

Трилистник письменного стола

*Братскому монгольскому народу
посвящаю.*

Глава I ПРЕОДОЛЕНИЕ ФИЛОЛОГИИ

О чтении книг

Когда возникает интерес к какому-либо предмету, когда хочется узнать о нем все: и то, что он собой представляет, и как он связан со своим окружением, и какое он имеет значение для меня и моих современников, — то прежде всего ищешь книгу, желательно одну, где бы все это было описано. Надеешься, что, прочтя ее, обретешь покой и сможешь перейти к очередным делам, до тех пор пока демон любознательности не вцепится снова в сердце.

И вот, признаюсь, мне безумно захотелось узнать, как в пустынных степях Монголии внезапно возникла могучая империя Чингисхана, которая через 100 лет так же быстро развалилась. Конечно, я тут же бросился искать книгу, но каково же было мое разочарование: книг оказалось больше, чем я мог бы за всю жизнь прочесть, а ответа на вопрос так-таки и не было.

Мне могут возразить, что я не имею права на такое утверждение, поскольку признаюсь сам, что всех книг не прочел. Но, к счастью, нам осталось наслед-

ство от средневековой схоластики — система сносок и ссылок. Читая обзорную работу, по ссылкам легко установить, что откуда переписано. Авторы обзорных работ — люди дотошные. Уж если бы они могли откуда-нибудь списать такое ценное сведение, которое проливало бы свет на причину образования мировой империи, так и списали бы его. Но, к сожалению, его нет! И мне пришлось копаться в текстах самому.

Но и тут меня подстерегали огорчения. Авторы одних источников сообщали о том, что в Азии было большое христианское царство еще до возникновения монгольской империи, а авторы других источников того же времени об этом умалчивали. Я окончательно растерялся. Чтобы удовлетворить свое страстное любопытство, мне пришлось заниматься историей кочевников всерьез, отодвинув на задний план все другие дела.

Но история — дело тонкое. Если просто собрать сведения из разных источников, то они чаще всего противоречат друг другу. Если же отобрать только те, которые между собой согласуются, то они рассыпаются, как стальные шарики, сложенные в виде пирамиды. Надо бы их скрепить, цементировать, да нечем! И тут я подумал: возьму-ка заведомо правильное суждение, что Чингисхан был и его империя существовала, и заведомо сомнительное, что пресвитер Иоанн царствовал в «Трех Индиях», и сопоставлю их на авось. Вдруг от такого сочетания сама собой получится органическая концепция, поскольку у меня уже появятся положительные и отрицательные величины. Так я и поступил. А теперь пусть судит читатель, насколько удачной оказалась моя попытка.

Аутентичная ложь

В 1145 г. в Западной, романо-германской, феодальной и католической Европе распространился слух, потрясший воображение королей и прелатов, рыцарей и купцов, благородных дам и прекрасных куртизанок, грубых провинциальных баронов и моряков средиземноморских флотов Генуи, Венеции и Пизы — словом, всех, имевших хотя бы косвенное отношение к подготовлявшемуся тогда второму крестовому походу.

Выдающийся германский историк, автор всемирной хроники «Книги о двух государствах» и исторического труда «Деяния императора Фридриха» (Барбароссы), Оттон Фрейзингенский оставил следующую запись: «...Мы повстречали также недавно рукоположенного в сан епископа Габульского из Сирии... Он рассказал, что несколько лет назад некий Иоанн, царь и священник народа, живущего по ту сторону Персии и Армении, на крайнем Востоке, и исповедующего христианство, хотя и несторианского толка, пошел войной на двух братьев Самиардов, царей Мидии и Персии, и завоевал их столицу Экбатану (?!)... Одержав победу, названный Иоанн двинулся дальше, чтобы прийти на помощь Святой церкви. Однако, когда он достиг Тигра и за неимением корабля не смог переправиться через него, пошел к северу, где, как он узнал, река эта зимой замерзает. Но, проведя там напрасно несколько лет, он не дождался мороза и, не достигнув из-за теплой погоды своей цели, был вынужден вернуться на родину, тем более что из-за нездорового климата он потерял многих своих воинов... Кроме того, расска-

зывают, что он ведет свой род от древних волхвов»¹ (т. е. евангельских волхвов, якобы наблюдавших вспышку Вифлеемской звезды и принесших дары новорожденному Иисусу).

Аналогичные сообщения появились и в других германских хрониках². По-видимому, сообщения о царе-первосвященнике начали рассматривать как реальность. На легенду narosли новые подробности: появилось письмо пресвитера Иоанна византийскому императору Мануилу Комнину, написанное будто бы на арабском языке и затем переведенное на латинский для папы и императора Фридриха Барбароссы. Арабский оригинал не сохранился, а в дошедшей до нас версии текст письма таков (в сокращении):

«Пресвитер Иоанн, всемогуществом Божиим и властью Господина нашего Иисуса Христа царь царей, повелитель повелителей, желает другу своему Мануилу, князю Константинопольскому, здравствовать и благоденствовать по милости Божией...»³

Уже одно это обращение могло бы насторожить читателя, хотя бы чуть-чуть способного к критике. Иоанн называет своих вассалов царями, а суверенного государя Мануила Комнина — князем Константинопольским. Такое явное неуважение, причем ничем не вызванное, должно было бы иметь последствием не союз и дружбу, а разрыв дипломатических отношений. Но фальсификатор, автор письма, знал

¹ «Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum, rec. A. Hofmeister» (Hannover-Leipzig, 1913. P. 365 и след.). Цит. по: *Хенниг Р.* Неведомые земли, т. II, стр. 441. (Подробное описание всех использованных работ см. в библиографии.)

² Там же.

³ Там же.

свою аудиторию. На католическом Западе унижение византийского православного царя, пусть мнимое, было воспринято как нечто подразумевающееся и не повлекло за собой недоверия к тексту, что пошло бы только на пользу делу.

Далее, пресвитер Иоанн описывает свою державу, которую называет «Три Индии», причем местом своей столицы называет Сузы. Только совершенно не сведущий в античной географической литературе читатель мог не заметить, что сам автор письма ничего не понимает в географии.

Понятно, что в Константинополе на эти рассказы ни обратили ни малейшего внимания, а западно-европейскому читателю XII в. даже в голову не пришло, что его просто морочат.

Весьма примечательно, что «пресвитер Иоанн» счел долгом описать все живое своего царства, начиная со зверей наиболее экзотичных, с точки зрения европейца: «Слоны, дромадеры, верблюды, *Meta collinarum* (?), *Sametennus* (?), *Tinserete* (?), пантеры, лесные ослы, белые и красные львы, белые медведи, белые мерланы (?), цикады, орлиные грифоны... рогатые люди, одноглазые, люди с глазами спереди и сзади, кентавры, фавны, сатиры, пигмеи, гиганты, циклопы, птица феникс и почти все обитающие на земле породы животных...»¹

Откуда автор письма взял этот список? Только из средневековой фантастики, так как этот жанр никогда не умирал. Кажется совершенно удивительным, что в такую чепуху поверили и верили еще свыше 500 лет, но такова сила слова, заключенного

¹ Там же.

в «аутентичный источник», а письмо именно таким и было. И поэтому-то папа Александр III 27 сентября 1177 г. выдал длинное послание лейб-медику магистру Филиппу для «царя-первосвященника Иоанна». Посол вместе с письмом был отправлен из Венеции тогда же. Но куда? Место обширного и великого христианского царства на Дальнем Востоке было неизвестно, и все попытки отыскать его не имели успеха. Да иначе и быть не могло — царства восточных христиан не существовало!

Долго не хотели европейцы примириться с разочарованием, но пришлось. Ни в Индии, ни в Абиссинии, ни в Китае не нашлось ничего похожего на столь подробно описанное царство Иоанна. В XIX в. историкам осталось лишь объяснять причины фальсификации и легковерия предков. Но ведь методика исторической критики и сейчас не всегда принципиально отличается от средневековой, а кроме того, как истина, так и ложь всегда смешаны между собою, хотя и в разных пропорциях.

Дыма без огня не бывает, и теперь уже нет никаких сомнений в том, что причиной слуха было действительное событие: разгром войск сельджукского султана Санджара ополчением центральноазиатских племен, объединенных киданьским гурханом Елюем Даши на Катванской равнине в 1141 г.¹ Вероятно,

¹ Литература по проблеме «первосвященника Иоанна» огромна, но уже потеряла значение в связи с тем, что проблема эта решена *Бартольдом В. В.* (О христианстве в Туркестане..., стр. 25, ср.: *Магидович И. П.* Вступительная статья к «Книге Марко Поло», стр. 5–11). История вопроса дана у Р. Хеннинга (Неведомые земли, стр. 446–461), но автор в комментарии допускает грубые ошибки в истории Центральной Азии, частично отмеченные редактором (стр. 446–448).

несториане были и среди кочевников, но сам Елюй Даши если и имел определенные религиозные симпатии, то только к буддизму. До Тигра его войска не доходили, да и не стремились дойти, царство его было небольшим, охватывавшим только Семиречье, часть Джунгарии и южные склоны Алтая; имени Иоанн среди киданьских владений не зафиксировано, и ничего похожего на пышный вымысел средневековых европейцев¹ в Азии не обнаружено. И тут встают сразу две большие проблемы: 1) что же было на самом деле? 2) поскольку аутентичный источник дает заведомо ложные сведения, то имеем ли мы право вообще доверять источникам, а если нет, то как нам добыть сведения достоверные? Вот на эти два вопроса мы и постараемся ответить нашей книгой.

Возникающие трудности

На наше счастье, история Средних веков неплохо разработана нашими предшественниками. Это надо понимать в том смысле, что установлена последовательность большинства событий политической истории, датированы войны, договоры, дипломатические и династические союзы, законодательные акты и социальные реформы. Иными словами, уже имеется канва, на которую можно нанести тот или

¹ См. подложный текст «письма пресвитера Иоанна» к византийскому императору Мануилу Комнину (1143–1180) (*Хенниг Р.* Неведомые земли, стр. 442–443). О мнимой переписке императора Мануила с «пресвитером Иоанном» упоминается также в древнерусской «Повести об индийском царстве» (*Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XII века «Слово о погибели Русской земли», стр. 101).

иной узор и воспользоваться ею для того, чтобы опровергнуть или поставить под сомнение сведения, нелепость которых бросается в глаза; в том числе и рассказ о «первосвященнике-царе Иоанне».

Но вместе с тем событий так много, что охватить их взглядом или запомнить и удержать в памяти невозможно. Обычно здесь принято идти путем узкой специализации — изучения страны в одну, сравнительно короткую эпоху. Ведь именно этот путь привел средневековых летописцев к принятию абсурдного сведения о Иоанне, сведения, которое не удержалось в арсенале византийской и древнерусской науки, потому что греки и русские, находясь территориально ближе к Азии, знали ее лучше, чем современные им немцы или французы. Следовательно, путь сужения специализации ведет к тому, что на глаза исследователя надеваются шоры и отсутствие перспективы приводит к не меньшим ошибкам, чем недостаточная углубленность.

Затем для нашей темы необходимо самое широкое рассмотрение истории тех стран, где несторианство возникло, развилось и погубило, т. е. почти тысячелетний период истории Азии от Мраморного до Желтого моря. Удержать же в памяти все события, связанные с интересующей нас темой, возможно только путем помещения их в какую-то систему, специально для этой темы приспособленную. А поскольку такой системы нет, то надо ее изобрести, помня одновременно, что назначение ее чисто вспомогательное. Нужный для вывода материал можно получить двумя путями: 1) непосредственно из источников, т. е. сочинений современников событий, и 2) из сводной исторической литературы

XIX–XX вв. Второй способ имеет ряд преимуществ: он менее трудоемок; критика средневековых текстов и версий уже произведена, и повторять ее без достаточных оснований не имеет смысла; события сведены в причинно-следственные ряды, что облегчает нашу задачу — интерпретацию, и, наконец, читатель без затруднения может проверить ход нашей мысли и правильность выводов. Но, увы, ограничиваться этим путем нельзя, ибо если бы в историографии все обстояло так благополучно, то не возникало бы проблем, подобных тем, с которыми мы уже столкнулись и столкнемся еще не раз. Поэтому нам придется снова и снова обращаться к источникам не в плане текстологическом или литературоведческом, а на предмет проверки достоверности тех или иных сведений, возбуждающих сомнения или недоверие. Источниковед-филолог стремится ответить на вопрос: что говорит изучаемый автор? А источниковед-историк интересуется: что из сообщаемого автором — правда, что им опущено и как было на самом деле? Разница в аспекте очевидна.

Весьма распространено мнение, что ошибочность или недостаточность вывода объясняется поверхностным изучением источника. Молчаливо предполагается, что имеющиеся в научном обороте источники содержат все, что нужно для совершенного знания предмета. Достаточно лишь предельно точно перевести сочинение средневекового автора и пересказать его своими словами, чтобы любая проблема, связанная с данным сочинением, была решена. Это мнение нигде специально не сформулировано, но бытует как нечто само собой разумеющееся и не подлежащее пересмотру. При этом упускается из виду,

что, слепо следуя источникам, историк только воспроизводит точку зрения древнего автора, а никак не истинное положение дела, которое самому старинному автору бывало зачастую неясно. Критика источников при таком подходе сводится к установлению их аутентичности, а противоречия нескольких, несомненно, подлинных, источников составляют барьер, не всегда преодолимый. Да и как его перепрыгнуть, если для этого рекомендуется, допустим, в нашем случае, опровергнуть все новые, да и старые исследования по истории Монголии, заново перевести источники с арабского, персидского, греческого, китайского, монгольского, латинского, грузинского и армянского языков, да так, чтобы не повторить ни одного из предшественников и в конце концов выдвинуть еще одну гипотезу, отнюдь не имея уверенности, что она лучше прежних.

Этот путь меня не манил прежде всего потому, что никак не мог набраться смелости заявить, что мои переводы (если бы я их сделал) будут лучше и точнее, чем те, которые были выполнены блестящими и учеными филологами. Наоборот, историк, имея собственную точку зрения, всегда будет подгонять перевод под подтверждение ее. И совершенно безразлично, сознательно ли он выбирает удобные для него варианты или искренне верит, что так оно и есть. Даже стремление к повышению степени буквальности нецелесообразно, потому что буквальный перевод далеко не всегда самый точный, так как тут опускаются смысловые и интонационные нюансы, значащие в литературном произведении куда больше, чем формы глаголов или синтаксические обороты.

Но самым главным пороком этого метода является то, что исследование предмета подменяется изучением текстов, упоминающих о нем. Ведь нас интересует сама несторианская проблема, а не то, что о ней рассказывали современники.

Факты, отслоенные от источника критикой, редко позволяют уяснить ход событий, потому что всегда многие важные события в источниках бывают опущены, а незначительные выпячены. Примером может служить Ветхий Завет Библии. Читая только его, невозможно усомниться в том, что вся история Ближнего Востока в первом тысячелетии до нашей эры вращалась вокруг Израиля и Иудеи. На самом же деле, как мы теперь хорошо знаем, Израиль и Иудея были захолустьями ближневосточного мира, исторические судьбы которого в эпоху определялись совсем другими народами и государствами.

Точно так же из «Песни о Роланде» вытекает, что главным событием первого похода Карла Великого в Испанию в 778 г. были геройская смерть Роланда в неравном бою с маврами. Но, как известно, такого боя вообще не было и Роланд на самом деле был убит в Ронсевальском ущелье басками, а не маврами. Однако такое явное искажение событий не мешает «Песне о Роланде» оставаться первоклассным историческим источником, как не мешает оно оставаться таковым же и «Слову о полку Игореве», хотя описанный в нем поход князя Игоря на половцев в 1185 г. проходил совсем не так, как изложено в «эпосе»¹.

¹ *Gumilev L. N. Les Mongols du XIIIe siecle et le Slovo o polku Igoreve*, стр. 37–57.

Поэтому необходим анализ, который целесообразно проводить путем синхронистического подбора фактов, благодаря чему легко обнаружить преувеличения и недомолвки источников, а также «белые пятна» в общей картине. Заполнение последних возможно только путем интерполяций, восполняющих на основе причинно-следственных связей первоначальную канву событий, полученную из источников¹. Степень точности при интерполяциях, естественно, снижается, но допуск невелик, и общая закономерность не нарушается, зато в противном случае она теряется вообще. Следующая операция — синтез: сравнение полученной исторической канвы с аналогичными рядами фактов, установленных таким же образом в смежных науках. Синтез — констатация схождения и расхождения и объяснение того и другого, что и является целью исследования.

Итак, методическая цепь четырехчленна: 1) как (написано)? 2) что (было на самом деле)? и что к чему? — заверченный продукт производства.

Спешу договорить, дабы предупредить возможную — нет, неизбежную — критику, основанную на неполном понимании моего подхода. Я не против повторения переводов старинных текстов, даже больше — я за него, но считаю непозволительной роскошью не отдавать себе отчета в том, что именно может принести такая, очень большая и сложная работа. В разных случаях разное. Для изящной словесности повторные и параллельные переводы крайне желательны. Каждый переводчик передает подмеченные им нюансы эстетические, стилистиче-

¹ *Гумилев Л. Н.* Роль климатических колебаний...

ские и смысловые. Тут не может возникнуть дублирования, потому что художественный перевод всегда отличается от подлинника и от аналогичного перевода, особенно сделанного на несколько поколений раньше. Тут и язык — как система ассоциаций и рефлексов — имеет значение, а мы знаем, что наши деды говорили пусть чуть-чуть, но иначе, чем мы.

Другое дело деловой перевод. Там, где дело не касается терминологии, стилистика не меняет ни смысла, ни значения. В каких бы выражениях ни было сказано о поражении, допустим, русских на реке Калке — факт не изменится, и убитые князья не воскреснут. Для нашего анализа достаточно такого перевода и даже следует ограничиться именно им, чтобы иметь возможность взвесить все pro et contra беспристрастно.

Что же касается терминов (названий чинов, родов войск, топонимов, этнонимов и т. п.), то в раскрытии их филолог ничем не сможет помочь историку, если тот не разберется сам, опираясь не на этимологию отдельных слов, а на комплекс событий, в описаниях которых эти трудные слова встречаются в разных сочетаниях. Вот поэтому мы и будем рассматривать проблему «попа Иоанна» не как проблему текстов, а как проблему исторической действительности XII в., для которой вопрос о восточном христианстве, как это ни странно, является ключевым вопросом.

Поиски путей исследования

Вопрос о том, как писать «историю», не решен, да и никогда не будет решен. Больше того, в решении его нет необходимости, потому что рецепты здесь идут скорее во вред делу, чем ему на пользу.